

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

Дом шалунов

Лидия Алексеевна Чарская
Дом шалунов
Серия «Книги на все времена (Энас)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11624624
Дом шалунов: ЭНАС-КНИГА; Москва; 2015
ISBN 978-5-91921-019-1*

Аннотация

Малыш Ника потерялся и после долгих мытарств попал в «Дом шалунов» – необычную школу-пансион, где перевоспитывают проказников из богатых семей. Здесь ни дня не проходит без розыгрышей и каверз юных воспитанников.

Добрый и отзывчивый мальчик покоряет сердца пансионеров и воспитателей и в конце концов находит свою семью.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Предисловие от издательства	4
Глава I	6
Глава II	8
Глава III	9
Глава IV	11
Глава V	13
Глава VI	14
Глава VII	16
Глава VIII	17
Глава IX	21
Глава X	24
Глава XI	25
Глава XII	27
Глава XIII	28
Глава XIV	29
Глава XV	30
Глава XVI	32
Глава XVII	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лидия Алексеевна Чарская

Дом шалунов

Предисловие от издательства

Когда-то среди читающей молодежи не было человека, не знакомого с именем Лидии Алексеевны Чарской (1875–1937). Ее сказки для малышей, детские рассказы, повести для юношества, романы для взрослых, стихи и пьесы мгновенно исчезали с прилавков магазинов. Она была самой популярной детской писательницей начала XX столетия.

Л. А. Чарская (псевдоним; настоящая фамилия – Чурилова, урожденная Воронова) родилась в Царском Селе. Семь лет она провела в Павловском женском институте в Петербурге, впечатления институтской жизни стали материалом для ее будущих книг. Окончив театральные курсы, Лидия поступила в Петербургский Александринский театр. Сценическим псевдонимом Чарская подписывала и свои литературные произведения.

В 1901 году журнал «Задушевное слово» напечатал первую ее повесть «Записки институтки», принесшую начинающей писательнице необычайный успех. С тех пор повести Чарской появлялись в этом журнале ежегодно.

В отчете одной популярной детской библиотеки в 1911 году сообщалось, что юные читатели требовали 790 раз книги Чарской и лишь 232 раза сочинения Жюль Верна. Один из литературных критиков того времени писал: «Чарская является властительницей дум и сердец современного поколения девочек всех возрастов... Ее книги всегда вызывают у детей восторженные отзывы и особое чувство умиления и благодарности...»

Повести Чарской заставляют детей сопереживать героям, учат не бояться страданий и в любой ситуации оставаться честными. Во всех ее книгах неизменна вера в то, что рано или поздно злые силы потерпят поражение, а добро победит. Писательницу постоянно упрекали за счастливые финалы, но в глазах юных читателей они были, безусловно, заслуженными.

После 1917 года книги некогда известной русской писательницы надолго были преданы забвению. Они стали переиздаваться в России лишь в конце 1990-х годов – и нашли своих читателей. Детей XXI века по-прежнему привлекают добрые книги, где «черное – черно, белое – белоснежно, а у короля – доброе сердце».

Сегодня мы знакомим читателей с малоизвестной повестью Лидии Чарской «Дом шалунов».

Мальш Ника потерялся и после долгих мытарств попадал в необычную школу-пансион, где перевоспитывают проказников из богатых семей. В «Доме шалунов» ни дня не проходит без розыгрышей и каверз. Добрый и отзывчивый мальчик покоряет сердца пансионеров и воспитателей и в конце концов находит свою семью.

Атмосферу того времени передают иллюстрации художника А. Бальдингера, сделанные к этой повести в 1912 году.

Глава I

Пропал мальчик

Хорошенький, черноглазый, с золотистыми кудрями мальчик по имени Ника, трех лет, пропал между 2-мя и 4-мя часами дня во время прогулки близ городского сада.

Всех встретивших малютку убедительно просят дать знать его матери, которая живет на N-ской улице, в доме № 3, кв. 24.

Молодая дама протянула бумажку, на которой было написано о пропаже мальчика, и подала ее сидевшему за конторкой¹ пожилому конторщику² в очках.

– Пожалуйста, нельзя ли напечатать это объявление в завтрашнем номере газеты? – сказала она дрожащим голосом.

Конторщик с удивлением взглянул на бледную молодую даму с заплаканными глазами, прочел внимательно поданную ею бумажку и спросил с участием:

– Это ваш сыночек пропал, сударыня?

Молодая дама не в силах была ответить. Слезы душили горло, руки тряслись, она поминутно вздрагивала. Вместо ответа она закрыла лицо руками и глухо зарыдала.

В конторе газеты было много народа. Все окружили рыдавшую. Начались расспросы, советы, утешения. А молодая дама все плакала, плакала. Сквозь судорожные рыдания она могла только бессвязно пояснить, что пропал ее Ника, ее милый, маленький, дорогой мальчик, радость и утешение, пропал во время прогулки. Новые рыдания помешали говорить бедняжке.

Какая-то очень добрая на вид старушка протиснулась ближе всех к громко всхлипывавшей молодой даме и, дружески похлопывая ее по плечу, ласково проговорила:

– Не плачьте, голубушка... Отыщется ваш мальчик... Выпейте водички, успокойтесь и поезжайте с Богом домой... Завтра, как только люди прочтут в газете ваше объявление о пропаже мальчика, так те, которые нашли малютку, приведут его к вам... Наверняка приведут... Плакать не надо... От слез только заболеее, чего доброго... Выпейте-ка водички лучше, милушка моя!

Голос доброй старушки проникал в самое сердце молодой дамы, вселяя надежду, что ее ненаглядный мальчик в самом деле найдется. Она вытерла слезы, выпила воды и, поблагодарив добрую старушку, наскоро расплатилась за напечатание объявления в газете и вышла на улицу, где, взяв первого попавшегося извозчика, велела ему ехать на N-скую улицу.

Теперь почему-то казалось, что Ника уже найден и ждет ее дома. И она поминутно торопила извозчика ехать скорее, обещая хорошо заплатить за это. Извозчик немилосердно хлестал свою чахлую лошаденку, пролетка мягко подпрыгивала по ровным мощеным улицам, а сердце молодой дамы сильно билось в ожидании встречи с потерянным сынишкой...

¹ Конторка – небольшой высокий стол с наклонной столешницей.

² Конторщик – здесь: младший служащий редакции газеты.

– Не плачьте, голубушка... Отыщется ваш мальчик...

Глава II

Горе маленького семейства

– Динь! Динь! Динь! – оглушительно звенел-заливался колокольчик. – Динь! Динь! Динь! Динь!

Находившаяся в комнате старушка только что поставила вариться манную кашку и мешала в кастрюле большой серебряной ложкой, как неожиданно раздавшийся звонок заставил ее задрожать с головы до пяток.

– Господи! Никак привели Никушку! – вырвалось радостно из груди старушки, и она кинулась в переднюю со всех ног.

Трах-тах-тах! И тяжелый крюк с грохотом отскочил от двери под трепещущей рукой старушки. Дверь широко распахнулась. На пороге стояла та самая молодая дама, которая только что отнесла в газету объявление о потерянном мальчике.

– Ну что, няня? Ника дома? Привели? – сорвалось с ее губ, и красивые печальные глаза впились в лицо няни.

– Не нашли нашего Никушку? – задала в свою очередь вопрос старушка-няня, ее морщинистые губы дрожали, а седая голова под темной наколкой заметно тряслась.

Рыдания снова подступили к горлу молодой дамы, и что-то забилося, заклокотало в ее груди... Сердце сжалось сильнее, мучительнее...

Вдруг быстро распахнулась дверь, и худенький, остриженный под гребенку мальчик стремительно вбежал в прихожую.

У мальчика было некрасивое личико, капризно оттопыренные, точно надутые, губы и темные глазенки, сердито глядевшие исподлобья. Ему было не больше пяти лет. Это был брат пропавшего Ники по имени Жоржик.

– Мамочка! Когда же наконец найдется Ника? – недовольным голосом заговорил мальчик, обращаясь к тихо рыдавшей молодой даме. – Мне не с кем играть без него. Мне скучно! Фроська все плачет, уткнувшись носом в угол, а няня занята на кухне и тоже плачет... Я отлично слышал, как она всхлипывала и сморкалась... А мне так хочется играть в солдатики, мама! Вели же Фроське перестать плакать и прикажи ей заниматься со мной!

Екатерина Александровна (так звали молодую даму) с грустью взглянула на мальчика. «Как может он играть и веселиться, когда такое горе постигло всю семью?» – с тоской подумала она, но тотчас же утешила себя тем, что Жоржик еще слишком мал, чтобы понять то, что случилось. И она тут же предложила сыну поиграть в солдатики. Жорж запрыгал от радости. Еще бы! Ведь маме, занятой службой, редко приходилось играть с ними, детьми.

И крепко вцепившись в руку матери, он потащил ее к себе.

Глава III

Никин барашек

В маленькой комнате, где жили Ника и его брат Жоржик, все было по-старому. Солнце весело играло, заливая уютную, веселенькую комнату с розовыми обоями. Две маленькие кровати стояли у стены, накрытые белыми пикейными³ одеяльцами. На одной из кроваток лежал белый маленький барашек, чуть-чуть замазанный, – любимая игрушка пропавшего Ники.

При виде кудрявого барашка сердце Екатерины Александровны сжалось сильнее. Еще так недавно хорошенький черноглазый Ника целовал и ласкал своего игрушечного барашка, кормил его кашей во время завтрака и укладывал спать в постельку рядом с собой. А теперь? Где он, милый, маленький, ласковый Ника?...

Глаза Екатерины Александровны затуманились слезами... В углу слышалось сдержанное рыдание... Это плакала Фроська у окна, положив на подоконник свою огненно-рыжую вихрастую голову.

Фроське было всего пятнадцать лет, и ее веснушчатое, остроносенькое лицо казалось совсем еще детским. Екатерина Александровна не могла взять более солидную, нежели Фроська, прислугу в помощь няне. Взрослая девушка потребовала бы и большую плату. А у Екатерины Александровны денег хватало только-только в обрез. Рано оставшись вдовой после смерти Жоржиного и Никиного папы, она поступила на службу в управление одной из железных дорог. На свое небольшое жалованье она содержала теперь всю семью, нанимала крошечную квартирку в три комнаты, платила жалованье Фроське. Старушка няня после смерти папы малышей от жалования отказалась, видя, как тяжело приходится молодой женщине, которую она вынянчила в свое время. Няню никто и не считал прислугой. На нее смотрели как на родную.

Пока Екатерина Александровна бывала на службе, няня ходила на рынок или стряпала завтрак и обед, а детей нянчила Фроська. По большей части они гуляли в это время в ближайшем городском саду. Гуляли аккуратно каждый день – с двух часов до самого обеда. Пошли гулять туда и накануне, в те же часы на старое место, пошли все трое: Жоржик, Ника и Фроська. А вернулись только Жоржик с Фроськой вдвоем: Ника пропал!

Екатерина Александровна пришла со службы, узнав о случившемся, побледнела как смерть и залилась горькими слезами. Позвали дворников, велели им искать Нику по всем улицам, переулкам, садам, скверам. Позабыв про обед, сама Екатерина Александровна поехала в полицию заявить о пропаже Ники. Потом вернулась домой, отдала какие-то приказания и, взяв извозчика, вдвоем с няней снова поехала искать Нику – и кружила без конца по всем улицам, по всему городу. Вернулись поздно ночью, обе заплаканные и измученные. Вернулись без Ники.

Фроську не упрекали, не бранили. Только Екатерина Александровна не могла ее видеть больше и все махала на нее рукой, чтобы Фроська к ней не подходила... Фроська голосила на весь дом, как в деревне бабы голосят над покойниками. Всю ночь никто не ложился, все ждали Нику. Вот-вот, думали, приведут. Дрогнет звонок, и он вбежит, такой черноглазый, розовый, хорошенький... Но никто не приводил Нику. Ника не отыскивался.

³ Пикейный – из пике, плотной хлопчатобумажной ткани с выпуклым узором.

Тихие, крупные слезы падали из глаз Екатерины Александровны на сваленных в кучу оловянных солдатиков... Жоржик давно разделил войско на две половины: красных гусаров⁴ взял себе, желтых драгун⁵ отдал маме. Своих гусарчиков Жоржик давно расставил, а мамины драгуны все еще лежали вповалку. Мама точно совсем позабыла об игре.

Жорж надулся. Он заметил, что не на солдат вовсе, а на Никиного барашка смотрит, не отрываясь, мама. И закапризничал, заныл:

– Не хочу играть! Не буду! Разве это игра? Гусары выстроены в две шеренги, а драгуны лежат, точно раненые, когда они стоять должны... Нехорошо это... Не хочу...

И Жорж заплакал на всю комнату.

Фроська, как вострепанная, вскочила с подоконника, подбежала к Жоржу и повела его в гостиную, уговаривая по дороге:

– Не плачь, золотце, не плачь, кисонька, не плачь, маленький, не то маме еще горше станет! Молчи!

Но маме не могло быть горше от слез Жоржика. Фроська ошибалась. Мама, казалось, даже и не слышала его плача. Ее глаза все смотрели и смотрели на милого беленького Никиного барашка...

Лишь только Жоржик и Фроська скрылись за дверью, как Екатерина Александровна вскочила со своего места, с живостью девочки подбежала к Никиной постельке, схватила барашка и, прижав его к груди, залилась слезами.

– Господи, – прошептала она, рыдая, – ты добр и милосерден, верни мне Нику!.. Верни мне его, Господи, моего мальчугана, крошку моего ненаглядного, птичку мою! Верни мне его!.. Никушка, малюточка моя! Детка моя крохотная! Золотой ты мой птенчик! Сердечко мое, где ты? Где ты, птичка моя?

И покрывала поцелуями беленького барашка.

⁴ *Гусáры* – военные из частей легкой кавалерии.

⁵ *Драгуны* – военные из частей кавалерии, предназначенной для действий как в конном, так и в пешем строю.

Глава IV

Что случилось накануне печального дня

Розовый хорошенький мальчик, с черными вишенками-глазами, с золотой, цвета спелой ржи, головенкой, отягощенной длинными, мягкими как лен кудрями, стоял перед огромной, пестревшей цветами клумбой городского сада.

Вот так цветочки! Каких тут только нет! И голубенькие анютины глазки, и плутоватый душистый горошек, который кажется таким простеньким и скромным на вид, а как хорошо пахнет! А вот и белые, точно снежные комочки, левкои. И еще много-много других красивых цветов, названия которых мальчик не знает.

В золотокудрой головенке мальчика появляется мысль: нарвать как можно больше цветов маме и поставить их на стол перед ее прибором в стакане с водой. «Вот обрадуется мама! Вот расцелует своего Никушку!» – думает мальчик.

Он даже причмокивает от удовольствия и, быстро наклонившись, рвет цветы и собирает их в букет: беленькие к беленьким, красные к красным, голубые к голубым.

Этот мальчик, собирающий букет для мамы, был Ника. Он пришел в сад вместе с Фроськой и Жоржиком. Но Фроська заболталась с подругами, такими же молодыми няньками, как и она сама, а Жоржик на садовой площадке играет в мяч с нарядной девочкой в розовом платье, и обоим в эти минуты очень мало дела до Ники. А Ника и рад.

Один... другой... третий!.. Еще, еще и еще!.. Ах, сколько он уже нарвал цветочков!.. Маленькие ручонки едва могут удержать огромный пучок.

И вдруг над его ухом раздается грозный голос:

– Как ты смеешь рвать цветы, негодный мальчишка! Вот я тебе задам! Постой ты у меня!

В один миг перед Никой вырастает какой-то человек с бородой в пол-лица, в сером кафтане⁶ с блестящими пуговицами и с толстой палкой в руках.

Ника знает, кто этот человек. Это садовый сторож. Когда они с Жоржем расшались в саду, Фроська им говорит постоянно: «Вот погоди-ка! Отдам сторожу. Он тебя отучит шалить!»

Ника очень боится сторожа. Да и нельзя его не бояться: сам он огромный, и борода у него огромная, и палка тоже... Ой, какие борода и палка!.. И вот они теперь обе перед ним: и палка, и борода.

Глаза сторожа страшно и грозно смотрят на Нику. Вот-вот поднимет он палку и... Вне себя от страха Ника роняет цветы, весь пучок, все до единого, и, не помня себя, бежит. Бежит по клумбе, по цветам, по хорошенькой пахучей куртине⁷ прямо к выходу из сада, прямо на широкий тротуар длинной улицы. Ему все кажется, что сторож гонится за ним по пятам. Но сторож и не думает гнаться. Он попугал только мальчика и теперь, с сокрушением покачивая головой, занялся исправлением клумбы, потоптанной маленькими ножонками Ники. А Ника все бежит, бежит... Его красивое личико теперь красно, черные глазки горят страхом. Он бежит, не оглядываясь, по широкой улице, где в этот час мало пешеходов. Да и те, которые встречаются ему, и не думают остановить Нику.

– Ишь, бежит сердечный, верно, няньку догоняет! – говорят они мимоходом, улыбнувшись красивому мальчику, и спешат дальше.

⁶ Кафта́н – верхняя мужская одежда.

⁷ Курти́на – здесь: лужайка, газон.

Ника бежит... Вот повернул направо, вот налево... Опять направо... Опять бежит. Широкая улица стала узкой... Или это другая?...

Дома кругом становятся меньше и реже. А дальше – поле, какие-то постройки и огороды, и река. Никина мама живет на самой окраине города, где квартиры значительно дешевле. Поэтому немудрено, что маленький Ника в какие-нибудь четверть часа очутился на самом краю Петербурга.

При виде реки Ника разом почувствовал, что ему уже давно хочется пить. И в крошечной головке под золотыми кудрями мелькнула внезапная мысль: спуститься к речке, лечь на ее бережок и напиться прямо из реки так, как пьют собачки и лошади. Это очень забавно и весело! Задумано – сделано. Но берег крутой и скользкий, ножонки Ники скользят по траве, покрывающей его. Он хочет уцепиться за что-нибудь, но не может, скатывается и помимо собственной воли бежит вниз к реке... Маленькие ножонки все скользят и скользят...

Вот и вода... Близко, близко... Мальчик уже не может остановиться и все катится, катится к воде...

Глава V

Нику похищают

– Ах!

Две цепкие загорелые руки схватывают Нику и высоко поднимают в воздух над самой рекой. Еще мгновение – и маленький Ника утонул бы в быстрых холодных волнах реки.

Сильные руки крепко прижимают мальчика к груди. Над ним склоняется загорелое лицо крестьянки, повязанное черным платком. Ее светлые глаза ласково глядят на скорее удивленного, нежели испуганного Нику.

– Не бойся, сыночек, не бойся! – говорит она грубым, но ничуть не сердитым голосом. – Худого тебе ничего не сделает тетка Матрена... Кабы не я, потонул бы ты, сердечный, свалился бы вниз, и поминай как звали... Небось, жалко такого красивенького парнишку... Глянь-ка на меня, сынок! А и хорош же ты, маленький... Волоски-то что лен... мягкие, золотом отливают... А глазенки-то, глазенки! Ишь ты!.. Чего смотришь, дурачок? Ты тетке Матрене самым Господом Богом послан... Да... да... Таких ребяток на утешенье людям Господь дает!.. Как моего Митюшку я хоронила, так думала от слез помру... А вот, вишь, другого Митюшку Господь мне дает!.. Поедем со мной в деревню, сынок... Любить тебя, холить буду... И мужу беречь велю, заместо сына, то есть Митюшки нашего, покойничка!.. То-то заживешь у нас, сынок!..

И, говоря это, Матрена сжимала все крепче и крепче в своих объятиях Нику, покрывая поцелуями его нежные щечки, розовые губки и пышные волны золотых кудрей.

Но Нике были неприятны эти ласки чужой ему женщины с большими жесткими руками, покрытыми мозолями. Сухие, потрескавшиеся губы женщины кололи его. Ее грубый голос неприятно звенел в ушах.

Нике разом представилась другая женщина: нежная, молодая, с мягкими душистыми руками, с ласковым голосом и нежными поцелуями – ему вспомнилась мама.

– К маме хочу! – неожиданно закричал он и горько заплакал, затрепетав всем телом.

– Нет у тебя нынче другой мамы, кроме меня! Слышишь? – сердито крикнула крестьянка и, зажав своей грубой ладонью маленький, громко кричавший ротик Ники, еще крепче прижала его к себе.

Мальчику пришлось успокоиться поневоле.

Тогда женщина закрыла его с головой теплым байковым платком, покрывавшим до этого ее тощие плечи, и куда-то понесла его, несмотря на то, что Ника, барахтаясь руками и ногами, всеми силами старался вырваться из ее цепких рук.

Глава VI

Отъезд в деревню

Матрена принесла Нику в какую-то избушку, одиноко стоявшую на самом конце большого огорода. В избе жил кум⁸ Матрены, огородник Вавила, со своей семьей. У них-то и останавливалась Матрена во время своих поездок в город, когда привозила из деревни на продажу деревенский холст.

Вавила, его жена и дети очень удивились при виде красавчика-барчонка, принесенного кумой к ним в избу.

– В деревню к себе повезу... Заместо сына, Митюшки моего, – пояснила им Матрена. – Сам Господь, видно, послал мне этого мальчика, не иначе как он. Под старость кормить нас с Кузьмой будет сыночек мой богоданный! – заключила она.

– А полиции не боишься разве? Небось, это вроде кражи выходит... Чужого ребенка ведь ты украла, Матрена! – нерешительно заметил куме Вавила, умный и рассудительный мужик.

Но Матрена только рукой махнула:

– Чего украла? Как украла? Что ты говоришь-то? Бог с тобой! Господь послал. Вот и все!

И упрямо поджимая губы, она тотчас же стала собираться в дорогу, к себе в деревню.

Прежде всего она передела Нику в деревенское платье, купленное ею тут же, у огородника, и принадлежавшее до сих пор его младшему сынишке. Потом строго наказала Нике называть ее «мамкой» и, накормив его досыта молоком с хлебом, попрощалась с семьей огородника и отправилась в путь.

Ехали они долго. Сначала на конке⁹, потом в трамвае, наконец приехали на вокзал и сели в вагон... И опять ехали весь остаток дня и целую ночь вплоть до утра. Ника ничего не понимал, не видел и не слышал. Он крепко спал, измученный слезами и тоской по маме, которую горячо любил всем своим маленьким сердечком.

После долгого пути, когда поезд подъезжал к станции Псков, Матрена разбудила Нику, сказав «приехали», связала в узелок все вещи, какие взяла с собой из Петербурга, и вышла с мальчиком из вагона. Отсюда в Матренину деревню надо было ехать еще верст двадцать на лошадях.

На станции Матрену встретил с телегой мужик, с черной бородой и черными же глазами. Он удивленным взором окинул Нику.

– Вот, Кузьма, сыночка нам Господь посылает! – умильным голосом пояснила мужу Матрена, указывая ему на только что проснувшегося Нику. – Глянь-ка, что за красивенький парнишка! Помощником тебе будет! – и она ласково провела шершавой рукой по золотистой кудрявой головке мальчика. Но Кузьма не разделял, казалось, восхищения жены, угрюмо поглядывая на Нику.

– Еще чего! Нашла тоже дармоеда!.. Пока он вырастет, сколько на него денег уйдет – пропасть! – проговорил он сердито, блеснув глазами на нежданного нового члена своей маленькой семьи.

Ника вздрогнул от этого взгляда. Вздрогнул и заплакал.

Лицо у Кузьмы стало еще сердитее:

– Поревы ты у меня! А это видел?

⁸ Кум – крестный отец по отношению к родителям окрещенного ребенка и к крестной матери.

⁹ Конка – городская железная дорога, легкие вагоны которой по рельсам тянули лошади.

И он погрозил мальчику кнутом, которым погонял лошадь. А потом стал упрекать и бранить жену за то, что та «навязала» им обоим на шею такую обузу. Матрена тоже плакала и все гладила по головке Нику, крепко прижимая его к себе. Ника больше не плакал. Затих. Страшный мужик с кнутом приводил его в ужас. Маленькое сердечко мальчика сильно билось от страха.

Глава VII

Нику ищут

Искали Нику всюду. Искала мама, няня, искали дворники, полиция, искали, прочитав объявление Екатерины Александровны в газете, чужие добрые люди. Искали и не нашли. А на следующее утро, после того как это объявление было напечатано в газете, один из дворников, проплутав всю ночь, нашел на берегу реки зацепившуюся за дерево старенькую Никину фуражку и принес ее Екатерине Александровне.

Екатерина Александровна тотчас признала фуражку своего сына. На ней был вышит красным шелком маленький флаг – для отличия от Жоржиной фуражки, на которой флаг был голубенький. Едва только заикнулся дворник о том, где нашел фуражку, как Екатерина Александровна, вскрикнув, без чувств упала на руки подоспевших няни и Фроськи...

Ее долго отливали водой, поили лекарством, давали нюхать спирт, всеми средствами стараясь привести в чувство. Оправившись немного и придя в себя, Екатерина Александровна решила, что Ники уже нет в живых, что он утонул, бедный, маленький Ника!

Теперь у убитой горем Екатерины Александровны было одно желание – во что бы то ни стало найти маленькое бездыханное тельце Ники. Для этого наняли рыбаков с лодкой. Рыбаки ездили по реке, шарили баграми в воде и ничего не находили.

Решили окончательно, что Ника утонул и что тело его застряло где-нибудь на дне реки. После того пригласили священников в маленькую квартирку, зажгли свечи и стали молиться за душу бедного погибшего Ники. Екатерина Александровна стояла на панихиде¹⁰, молилась горячо и плакала, плакала безутешно...

Фроську отослали в деревню. Екатерина Александровна не могла ее больше видеть, считая девочку главной виновницей гибели своего Ники. С тех пор няня сама стала неустанно ходить за Жоржем.

С фотографии Ники пересняли большой портрет, который Екатерина Александровна повесила в своей спальне. На портрете Ника вышел такой хорошенький, кудрявенький, веселый. Екатерина Александровна целыми ночами не спала, сидела на постели и все глядела и глядела на портрет, с которого улыбался Ника. Белый Никин барашек лежал тут же на столике под портретом, тут же лежала и найденная дворником у реки Никина фуражка – последнее воспоминание о нем...

Все эти дорогие вещицы часто-часто целовала Екатерина Александровна, оставаясь одна. Она звала Нику, смотрела на портрет и плакала горькими-горькими слезами...

¹⁰ *Панихида* – церковная служба по умершему.

Глава VIII

Через шесть лет

- Дай!
- Не отдам!
- Дай!
- Как же?!
- Дай!
- Не дам, тебе говорят! Раз!

Прежде чем Сенька успел опомниться, Миколка торжествующе восседал на его груди и собирался задать врагу порядочную трепку. Не помня себя, Сенька завизжал, как поросенок, и далеко отшвырнул от себя картуз, сорванный им ради шутки с головы Миколки. Но Миколка не удовольствовался этим и шлепнул Сеньку раза три по спине, прежде чем выпустить его из своих цепких сильных ручонков.

– Вот тебе, не таскай чужих картузов в другой раз! – произнес он наставительно тоном взрослого человека.

Сенька заревел. В ту же минуту показалась ватага крестьянских ребятишек, бегущих с конца деревни по направлению к лугу, где находились оба мальчика. Тут были и Ванька вихрастый, и Степка-козел, и Митяйка рыжий, и два Андрюшки – Андрюшка хромой и просто Андрюшка, и Прошка беззубый, и Ванька маленький, и Санька-толстяк, и другой Санька – обыкновенный. Все они устремились к двум находившимся на лугу мальчуганам, один из которых продолжал реветь во все горло.

– Чего глотку-то дерешь? – суровым тоном взрослого обратился к ревущему Сеньке Степка-козел, самый большой и сильный из ребят. – Чего орешь, спрашиваю?

– Да все он... Все чужак забижает... Взлез, накинулся на меня и прибил! – всхлипывая, жаловался Сенька.

– Ты чего, чужак, дерешься, а?

И Ванька вихрастый, грозно сжав в кулаки свои грязные ручонки, с задорным видом подступил к Миколке.

Миколка вспыхнул.

– Не ври, Сенька, не я тебя, а ты меня задрал первый, – произнес он. – Я мирно лежал тутотка на опушке, стадо стерег, а он с меня, братцы, – пояснял черноглазый Миколка, – картуз-то как сдерет... Да на дерево еще грозил закинуть... Ну, я его, значит, и того... Бока ему намалял, чтоб не баловался!

И Миколка с гордостью оглянулся на окружающих ребят.

Он был меньше их ростом и казался стройнее и красивее всех. На вид ему было лет девять. Золотисто-русые кудрявые волосы так и горели на солнце; черные глаза сверкали умом. Тонкое загорелое личико дышало удалью и здоровьем. Мальчик был одет беднее всех. На нем была старая рваная рубашонка, широкие ситцевые штанишки, все заплатанные, едва держались на узеньком ремешке, ноги были босые. Однако несмотря на нищенский вид мальчик казался настоящим красавчиком...

Окружающие ребята враждебно и зло поглядывали на него.

– Эге! Ты драться, брат! – значительно проговорил Андрюшка хромой, проковыляв вперед. – Так ты дра-а-аться! Братцы! – обратился он к товарищам. – Чужак дерется. Давайте отлупим чужака! Больно зазнался! А?

– Отлупим его! Отлупим! – согласился Митяйка рыжий. – Чего с ним долго хороваются! Хватай его, ребята! Раз, два, три!

И Митяйка с быстротой кошки первым подскочил к стоявшему неподвижно Миколке. Но тот только и ждал, казалось, этой минуты. Он смело выпрямился и сжал кулаки; черные глаза сердито сверкнули на смуглом от загара лице.

– Стой! – крикнул он.

И в тот же миг рыжий, как мяч, отскочил от Миколки, отброшенный его крепкими, недетски сильными кулаками.

Митяйка взвыл во весь голос. Это послужило как бы сигналом к началу схватки. Ребята разом ринулись на Миколку со всех сторон. Одна секунда, и мальчик был бы на земле, сбитый с ног своими врагами. Но быстрее молнии Миколка нагнулся, ловко подхватил с земли огромный сук, валявшийся тут же, по соседству, и, приняв боевую позу, произнес сурово, сверкая черными глазами:

– А этого хошь? Подойди-ка теперича! А ну-кась!

Но подойти никто не решался. Сук был огромный, страшный. Но еще страшнее были черные глаза Миколки, вдруг ставшие из добрых и сияющих сердитыми, почти злыми. Миколка сверкал ими и размахивал суком направо и налево с поразительной быстротой.

Миколка сверкал глазами и размахивал суком направо и налево с поразительной быстротой.

Мальчуганы поняли теперь, что им, пожалуй, с чужаком не справиться. Они выругались громко и уже намеревались было покинуть поле битвы, как вдруг Прошка беззубый, самый лукавый из них всех, что-то оживленно зашептал на ухо Ваньке.

По лицу Ваньки проползла довольная улыбка. Что-то недоброе промелькнуло в его угрюмом лице. И вдруг неожиданно лицо это сделалось испуганным, оробелым. Ванька широко раскрыл рот и пронзительно заорал на весь луг:

– Глянь-ка, Миколка, глянь-ка! Волк твою Белянку дерет!

Ответный, еще более громкий и отчаянный вопль пронесся по лугу. Миколка весь затрепетал с головы до ног, как былинка под дуновением ветра. В его прекрасных черных глазах отразился ужас. Лицо мальчика стало бледнее мела. Испустив новый громкий крик, Миколка со всех ног ринулся к лесу, где паслось овечье стадо, вверенное его присмотру.

А мальчишки весело загоготали на разные голоса. Шутка им удалась вполне: они «надули» Миколку...

Глава IX

Печальные мысли Миколки

Стадо, тихо позвякивая колокольчиками и пощипывая травку, мирно паслось на опушке леса. Любимая Миколкина овца, Белянка, гуляла тут же, с наслаждением лакомясь сочной травой. Миколка сразу понял, что никакого волка и не было, и что злые, бессердечные мальчишки хотели только хорошенько его напугать. Черные глазенки Миколки снова загорелись. Он сжал в кулаки свои маленькие, сильные загорелые руки и погрозил ими в ту сторону, где еще пестрели на лугу цветные рубашонки его постоянных врагов – мальчишек.

Потом он быстро подошел к Белянке, доверчиво потянувшейся к нему навстречу своей милой, тупой овечьей мордочкой с добрыми, глупыми глазами, и произнес ласково, заглянув в эти глаза и обняв Белянку:

– Беляночка моя!.. Добренькая... И вы все овечки да барашки мои милые! Одни вы у меня. Как есть одни вы да Кудлашка! Добрые вы мои, одни вы меня не обижаете, голубчики! Спасибо вам, родненькие... Век вас не забудет Миколка, право слово, не забудет никогда!

И мальчик прижал голову овцы к своему сильно бьющемуся сердцу...

Белянка доверчиво терлась о его грудь и руки и тихо, жалобно тянула свое неизменное: «Бэ! Бэ-бэ-бэ!» Она точно хотела сказать этим: «Не горюй, не тоскуй, маленький Миколка! Я с тобой, твой друг и приятель. Белянка с тобой».

И мальчику показалось, что он понял блеяние своей любимицы. Он крепко сжал кудрявую шею овцы и, закрыв глаза, опустил на траву рядом с ней. В тот же миг что-то неожиданно зашекетало голую пятку Миколки, что-то шершавое и влажное прикоснулось к ней. Мальчик испуганно открыл глаза, оглянулся и вдруг тихо, радостно рассмеялся:

– Ты, Кудлашка? Ох и напугала же ты меня!

Черная, кудлатая, вполне оправдывающая свое прозвище собака с ласковым визгом отскочила от его ноги, около которой прилегла было тихохонько, и быстрым прыжком очутилась у груди своего друга.

Миколка ласкал Кудлашку, обнимал Белянку и чувствовал себя почти счастливым в эту минуту. Потом он прилег на мягкий мох, вскинул черные глаза к небу и стал думать: «Почему они не любят меня? За что обижают постоянно? Что я им сделал такого, что они дразнятся каждый день да прибить норовят? Неужто всем чужакам так горько на свете живется?»

Миколка был «чужак», то есть чужой мальчик, из другой деревни. Своя – Миколкина – деревня лежала за добрый десяток верст от этой... Здесь, в этой деревне, Миколка всего полтора года. Как это случилось, что он очутился здесь, Миколка помнит отлично. Помнит он свое детство, которое мирно и беззаботно протекало в той, своей, деревне. Помнит и невеселое, но ласковое, морщинистое лицо «мамки»... Мамка его любила крепко... Никогда не била... Кормила пирогами с маком по воскресеньям, покупала медовых пряников в базарные дни... Мамка была добрая. И Миколка ее тоже любил. Он горько плакал, когда она умерла. Мамку схоронили, поставили крест на ее могилке, на погосте... Тятка, и без того сердитый и суровый, сделался еще сердитее со дня мамкиных похорон, стал крепко скучать по мамке, стал пить водку с горя, а под пьяную руку бил Миколку... Вскоре и тятка помер, свезли и его на кладбище и схоронили подле жены.

Теперь круглым сиротой остался Миколка. Один на свете... Собрались мужики со всей деревни и решили так: кормить Миколку даром нельзя, у самих ребят куча. Надо отдать Миколку в соседнюю деревню в пастушки – овец пасти. Там требуется такой пастух. В соседней деревне живет к тому же одиноким бобылем отставной солдат Михей. У него изба боль-

шая. Больно велика для одного, Михей может взять к себе и Миколку вместо сына. Кормить же Миколку будет деревня – за то, что он станет пасти овец.

Так и порешили.

Миколка поселился у Михея в избе, стал пасти баранов и овечек. Михей был злой мужик и под горячую руку частенько колотил Миколку за всякий пустяк. Ребятишки не любили Миколку. Они чувствовали, что он был какой-то особенный, гордый, серьезный, не лгал никогда, не бранился – не им чета. Миколка тоже не любил ребятишек. Любил он только свое стадо, Кудлашку мохнатую, любил поднебесную высь голубую, лесную чащу любил... Радостно и любо ему было лежать так одному на зеленом мху, на мягкой мураве¹¹. Колокольчики овец звучат так серебристо и красиво... В лесу медом пахнет, диким левкоем, смолой... Птицы поют... Приветливо, звонко...

Под этот звон, под это пение чудится странное что-то Миколке... Всегда одно и то же чудится, постоянно все одна и та же картина представляется ему: будто лежит он в белой мягкой постельке, будто пуховые перинки под ним, а голубое стеганое одеяльце его накрывает... И откуда взялись только перинка эта и это одеяльце? Где он, деревенский парнишка, мог видеть все это?... Но не только перинка да одеяльце чудились Миколке. Словно в облаке, тихо, неслышно приближается к нему женщина, молодая, прекрасная, с темными ласковыми глазами, с руками мягкими и нежными, гораздо более нежными, нежели шерсть на спине его Белянки. Женщина эта склоняется над ним, гладит его волосы своими нежными руками, целует его глаза, щеки и тихо поет...

И голос у нее нежный, нежный... «Должно быть, у ангелов Божьих на небе бывают такие голоса!» – думается Миколке, и сладко-сладко становится у него на душе... Сердечко мальчика так и замирает в груди... И любит он бесконечно и голос этот сладкий и нежный, и руки эти мягкие, и печальные кроткие глаза, с такой любовью и лаской устремленные на него, Миколку.

Кто эта женщина, которую он часто видит, точно во сне, Миколка не знает, но он чувствует какую-то особенную радость, когда она является в его мечтах. Иногда ему кажется, что он когда-то, давно-давно, бывал с ней постоянно, и что она все время ласкала, лелеяла его и пела ему ту же сладкую песню... И сейчас он слышит эту песню, нежную и чудную, как дыханье ветерка:

Утро синеет лучистое
В пышном уборе своем,
Солнце встает золотистое
Там, за зеленым холмом.

Небо безбрежное, ясное
Светится там высоко,
Но и во время ненастное
В сердце светло и легко!

Ты мое солнышко жаркое,
Ты мой серебряный луч,
Утро весеннее яркое,
Ясное утро без туч!

Мальчик мой, крошка прелестная,

¹¹ *Муравá* – густая луговая трава.

О, как люблю тебя я!
Пташка моя поднебесная,
Радость, утеха моя!..

И видит Миколка, точно во сне, как печальные глаза сияют, как белые мягкие руки нежно касаются его, Миколки...

– Милый мой, хороший мой, родной мой мальчик! – шепчет белая женщина, лаская золотистые волосы маленького пастушонка.

И сердце мальчика наполняется сладкой тоской, глаза невольно закрываются... Тихий сон сковывает его тело, с головы до ног...

– Бэ-бэ-бэ! – громким, отчаянным блеянием пронеслось по лесу. – Бэ-бэ-бэ!

– Гав-гав! – оглушительным лаем залилась Кудлашка.

– Что это? – Миколка в ужасе открыл глаза... Сердце так и упало... Холодный пот разом проступил на лбу. – Господи помилуй!

Огромный волк стоял, оскалив зубы, в каких-нибудь десяти шагах от него, как бы выжидая чего-то. И вдруг, в один прыжок, с горящими хищным огнем глазами, бросился на ближайшую овцу... Новое отчаянное блеяние пронеслось по лесу, и страшный хищник, повалив свою жертву, вцепился в нее острыми, оскаленными зубами...

Глава X

Волк

Все это случилось в один миг. В следующий же Миколка был уже на ногах... Ни светлого виденья, ни чарующей песенки как не бывало... Все исчезло, как сон, из его мыслей. Страшный серый хищник и несчастная овечка, еще бившаяся в зубах волка последними предсмертными судорогами, поглотили теперь все внимание маленького пастушонка. Миколка весь преобразился... Задышающийся, взволнованный, не помня себя, он рванулся вперед, прямо к волку.

– Го-го-го-го! – завопил он совсем не детским голосом и иступленно замахал на волка уцелевшим в его руках суком.

– Го-го-го-го! – пронеслось громким эхом по лесу.

В тот же миг с воем подскочила к волку и Кудлашка. Ее шерсть топорщилась, глаза горели, как уголья. Она так и рвалась к волку, заливаясь оглушительным лаем. Волк взвыл в свою очередь и, нехотя оставив добычу, стал быстро красться кустами обратно, мимо

Миколки, в чащу. Он полз теперь по земле с оскаленными зубами и алчным взором... Глаза хищника горели страшным зеленым огнем... Еще минута... другая... Вот он в двух шагах от мальчика и как будто готовится броситься на него, но неожиданно что-то вдруг разом прыгнуло на спину волка и острыми зубами схватило его за шею... И вот уже волк и Кудлашка с воем барахтаются в одной сплошной куче... Миколка в один момент очутился подле них. Он бесстрашно нагнулся и изо всех сил крикнул чуть ли не в самое ухо волку:

– Го-го-го-го-го!

Волк подскочил, как очумелый, несколько мгновений простоял на месте, ничего не понимая, и... кинулся бежать со всех ног в чащу леса.

К месту схватки подоспели крестьяне из деревни.

Глава XI

Злой дядя Михей. – Бегство

– Что случилось? Чего орал, точно кто тебя резал? – так и накинулись прибежавшие мужики на Миколку, очевидно, не понимая еще всего происшедшего перед тем. – Ну, говори же!

Но Миколка молчал. Острая жалость защемила его сердечко. Перед ним лежала мертвая овца. Кровь лилась алым потоком из ее перегрызенного волком горла. Миколка присел на траву подле овечки и нежно гладил ее мягкую, теперь липкую от крови шерсть. Кудлашка, тяжело дыша, с высунутым языком, с видом победительницы уселась тут же. Она, казалось, сочувствовала горю своего маленького хозяина и тоже печально смотрела на мертвую овцу, изредка лишь оглашая воздух лаем... О волке они как будто и позабыли оба.

Сильный удар по спине заставил Миколку быстро вскочить на ноги. Перед ним стоял дядя Михей, рыжий, страшный, рябой, с торчащими щетинистыми усами, с маленькими, злыми, во все стороны бегающими глазками. Лицо дяди Михея было перекошено от злости. Он зашипел на Миколку и, больно дергая его за уши, произнес:

– Ты что же это, скверный парнишка, наделал, а? Волку овцу задрать позволил, а? Чай, по сторонам зевал, а? Вот постой ты у меня! Давно у меня руки о тебя чешутся... Отдеру я тебя, как сидорову козу... Будешь ты меня помнить долго...

– И впрямь, дядя Михей, стоит проучить парнишку, – согласились остальные мужики, косо и сердито поглядывая на Миколку, – а то гляди-ка, как твою овцу-то волк испортил!

– Как мою овцу? – так и подпрыгнул Михей на месте и вдруг, кинув быстрый взгляд на лежащую без движения окровавленную овечку, закричал во все горло:

– Ах, ты негодный! Ах, ты разбойник! Ах, ты душегуб этакий! И впрямь мою Кудрявку волк задрал. Ну, ладно же, постой ты у меня!

И, не помня себя от гнева, Михей схватил Миколку под мышку и быстро потащил его к опушке леса. Здесь он бросил мальчика на землю, потом приволок его к дереву и, быстро распоясавшись, стал привязывать снятым поясом к толстому стволу старого дуба. Мальчик не давался Михею, извивался и барахтался в руках мужика. Тогда, видя, что ему одному не справиться с Миколкой, Михей стал сзывать на подмогу других крестьян. Но тут случилось нечто такое, чего совсем не ожидал Михей. Миколка изловчился и изо всех сил оттолкнул его от себя так, что Михей едва удержался на ногах. Вслед за тем Миколка стрелой помчался в лесную чащу.

– Держи! Лови его! – загремел на весь лес зычный голос Михея. – Убег парнишка, держи его, ребята! – вопил он в ярости и бессильной злобе. Но поймать Миколку было не так-то легко.

За деревьями леса крестьянам не видно было, куда побежал мальчик. Только треск сухих сучьев разносился по лесу, да голос Михея нарушал тишину. Кое-кто из мужиков бросился было в погоню за Миколкой. Другие же махнули рукой на это дело.

– Ладно! Все едино домой вернется. Не больно-то ночью разгуляется с волками. А ими лес кишмя кишит, – решили они.

Вскоре отстали и те, кто погнался было за мальчиком, и Миколка мог немного перевести дух и бежать тише.

Ночь наступала понемногу, темная, теплая, пахучая июльская ночь. Деревья теряли в темноте свои настоящие формы и казались теперь огромными великанами, простиравшими к небу свои мохнатые руки-ветви. А Миколка все шел да шел вперед, пока не выбился из сил и не упал на влажную от росы траву.

Ночь совсем загустела. Стало темно, как в могиле. Темно и жутко. Ни зги не видать. Только изредка прорезывал тишину громкий, совсем как будто человеческий, голос филина, да откуда-то из чащи неслось голодное завывание волков. Сердце Миколки болезненно сжалось. При свете дня, даже вечером, в сумерках, он волков не боялся. Смелый и бесстрашный от природы, Миколка умел глядеть беде прямо в глаза. А вот ночью, во тьме, когда не видно было, откуда крадется к нему скрытый мглой четвероногий враг, когда опасность являлась, прикрытая темнотой, этого уже никак не мог не страшиться даже такой отважный мальчуган, как Миколка. И теперь, несмотря на ужасную усталость и желание уснуть, забыться, он отгонял от себя сон и таращил через силу в темноту свои широко раскрытые глазенки. И все-таки не выдержал в конце концов борьбы со сном. Сон оказался сильнее. Он подкрался незаметно и, точно невидимой паутиной, окутал голову Миколки. Голова перестала работать, мысли спутались, и Миколка крепко заснул, повалившись на мягкую росистую землю...

Глава XII

Сладкий сон и страшное пробуждение

Миколка спал. Ему грезилась во сне та добрая, кроткая, с белыми руками и печальными глазами женщина, о которой он так часто думал. Грезилось, как подходит она к нему, склоняется над ним, шепчет: «Бедный мой мальчуган, милый, бедный маленький Миколка!» и целует его, и гладит его волосы мягкой рукой... От этих нежных поцелуев в груди Миколки замирает дух. Он протягивает руки к светлой женщине, поднимается, тянется к ней навстречу, хочет обнять ее за шею, прижаться к ней, пожаловаться на злых мальчишек, на жестокого Михея, на всех, кто его обижает и притесняет, и... просыпается неожиданно и быстро.

Прежняя беспросветная тьма окутывает лес.

Удивленным взором оглядывается вокруг себя Миколка, не понимая, каким образом он очутился здесь, а не на лавке в избе дяди Михея, и неожиданно короткий крик смертельного испуга замирает на его разом похолодевших губах... Прямо на него медленно надвигаются две горящие точки, два огненных глаза, светящиеся зеленым огнем среди сгустившейся темноты.

Это был волк, встречи с которым так опасался Миколка, по всей вероятности, тот самый волк, из пасти которого они с Кудлашкой вырвали добычу. Теперь он, очевидно, пришел расплатиться с мальчиком за отнятую овцу.

Ужас перед близкой гибелью сковал все маленькое тельце Миколки. Ноги разом ослабели, отказываясь служить... О бегстве не могло быть и речи. Только руки он вытянул вперед, как бы желая оттолкнуть ими страшное чудовище... А оно между тем все приближалось и приближалось. Его горящие глаза точно плыли по воздуху, прямо по направлению к тому месту, где притаился мальчик. Миколка боялся дышать...

Он замер, съежился. Холодный пот выступил у мальчика на лбу... Взгляд его не отрывался от горящих глаз волка, точно какая-то сила притягивала глаза мальчика к страшным глазам хищника... Еще минута, другая, третья... Огненные точки как будто остановились, не двигались больше. Очевидно, хищник присел, чтобы легче было сделать прыжок и кинуться на свою жертву.

– Тук-тук! Тук-тук-тук! – мучительно колотилось сердце в груди Миколки. – Тук-тук-тук-тук!

Еще минута проползла, долгая, томительная и последняя, быть может, минута коротенькой жизни маленького Миколки...

Мальчик отлично понимал смертельную опасность, которая ему угрожала. Понимал, что мгновенья его были сочтены, что жить ему осталось немного, очень немного, что вот-вот он сделается добычей хищного волка, который не пощадит его...

Бедный Миколка!

А глаза, между тем, вспыхнули ярче, страшнее... Потом исчезли сразу... Волк присел... Нацелился... Крах!

Хрустнули сухие ветки... Прыжок... Отчаянный крик... И горячее дыхание зверя пахнуло жарко в самое лицо Миколки...

Глава XIII

Верный друг

Что это? Вместо острых зубов – нежное прикосновение шершавого, мокрого языка... Вместо страшного волчьего воя – какое-то нежное повизгивание... Что-то лижет лицо Миколки, его глаза, щеки, руки... Что-то мягкое, лохматое, теплое трется о его плечи, грудь... Миколка ничего не понимает в первую минуту. Но постепенно мысль его проясняется. Радостный крик срывается с губ:

– Кудлашка!

Новый визг, и кто-то в темноте обнимает его мохнатыми добрыми лапами.

– Кудлашка! Ты? Милая, родненькая! Нашла-таки меня? Нашла, сердешная голубушка моя! – слышится прерывающийся от радости голос мальчика.

Миколка никогда не плакал. Даже когда дядя Михей жестоко бил его, и тогда не плакал Миколка. Сожмет только губы, зубы стиснет, но ни единой слезинки не проронит. А тут заплакал. Навзрыд заплакал от радости, что нашел его верный друг, Кудлашка, незаменимый добрый приятель.

Миколка крепко прижал к груди собаку, обнял за мохнатую шею:

– Нашла ты меня, Кудлашечка, родименькая, нашла! Вот спасибо тебе, дружок ты мой сердешный! Вот спасибо!

Кудлашка визжит и умильно крутит хвостиком в темноте.

– Миленькая ты моя! Нашла меня таки! – и новые слезы каплют на нос Кудлашки.

Кудлашка визжит.

– Никогда теперича не расстанусь с тобой. Ей-богу! Куда я, туда и ты. Ладно?

Кудлашка визжит так, что звон стоит в ушах от ее визга.

– Кудлашенька!

Мальчик и собака обнимаются снова, потом ложатся рядком на траву и через минуту уже спят крепко и сладко.

Глава XIV

Беглецы идут дальше. – Голод

Солнце стояло высоко на небе, когда все еще сонный Миколка почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Он вскочил, как встрепанный, протер глаза. Перед ним Кудлашка, тянет его за рубаху, тихонько урчит и виляет хвостиком, по своему обыкновению.

– Миленькая! – шепчет счастливым голосом Миколка и чмокает Кудлашку прямо в черный влажный нос.

Потом решительно встряхивается от сна, оправляется и, обратившись к Кудлашке, говорит:

– Ну, брат, теперича мы махнем дальше, в лес. Куда-нибудь да выйдем. Идем, что ли?

Кудлашка неожиданно твякает, точно хочет сказать: «Куда хочешь вести, всюду пойду за тобой!»

И оба пускаются в путь.

Солнце печет вовсю. Но жара не чувствуется. Деревья кругом стоят такие высокие, ветвистые и дают тень и прохладу. Зато нечто другое, более несносное, нежели жара, начинает мучить Миколку и Кудлашку.

Это голод. Не поужинав с вечера, мальчик чувствует неприятную пустоту в желудке. Чувствует голод и Кудлашка; она уже не прыгает, довольная и радостная, как прежде, а идет, уныло опустив голову, подле своего маленького хозяина... А лес, как нарочно, становится все гуще и гуще. Мало надежды скоро выбраться из него. Миколка приуныл. Голод все сильнее точит его внутренности. К голоду присоединяется жажда. Под ложечкой сосет. Язык стал тяжелый и шершавый – и пить, и есть хочется нестерпимо.

Вот солнце ниже. Вот оно красным огненным шаром спустилось к верхушкам деревьев. А они все идут... идут...

– Господи! Есть-то как охота! – невольно срывается с губ Миколки, и он с тоской оглядывается на своего друга. Четвероногий друг мучается, видно, нестерпимо; он глядит на Миколку печальными, полными тоски глазами. Глядит и визжит. Целые сутки без еды, шутка ли!

Но вот лес стал редеть понемногу. Мальчик приободрился. Вдали заблестело что-то.

– Речка! – закричал радостно Миколка. – Чуешь, Кудлашка, речка близехонько! Верно, и жилье есть. А где жилье, там и еда, вестимо! Чуешь?

Кудлашка твякнула и стрелой помчалась вперед. За ней, собрав последние силенки, побежал и Миколка.

Лес еще поредел. Светлая полоса реки засверкала ближе. Кудлашка, как безумная, метнулась к ней. За ней Миколка.

Оба кубарем скатились по берегу к воде. Миколка вместе с Кудлашкой стал жадно пить воду прямо из реки, лежа на самом берегу ее. Вода бежала под самым лицом мальчика. Ее серебристые струйки горели разноцветными искрами в лучах заходящего солнца. От этих искр, от их постоянного мелькания, от голода и усталости в глазах Миколки зарябило. Голова его закружилась. Темные круги заходили перед ним, и, лишившись последних сил, мальчик, перекувырнувшись через спину, тяжело бухнулся в воду...

Глава XV

Неожиданное происшествие

– Тише, вам говорят! Тише, пострелята! Кто только посмеет разбудить его, тому я дам здоровую взбучку. Гога Владин, ты знаком с моими кулаками! Сунься-ка!

– Уж ты бы помолчал, Алек Хорвадзе. Чего ты так важничаешь! Такой дылда, как ты, может одолеть любого малыша! Ты больше нас всех и оттого сильнее! Немудрено это!

– Я годами не старше вас. Ну, а теперь марш отсюда, покуда целы...

Стройный чернокудрый мальчик с черными, пламенными глазами запер дверь перед самым носом детей разных возрастов, толпившихся на ее пороге, и, снова подойдя к постели больного, склонился над ним.

– Что за красавчик-мальчуган! – произнес он, рассматривая лицо того, кто лежал перед ним, рассыпав золотистые кудри по белой наволочке подушки.

– Этакий красавчик! Подумать больно, что такой чуть не утонул в реке! – Алек даже вздрогнул при одной мысли об этом.

Как раз в эту минуту больной приподнял веки. Два прекрасных черных глаза взглянули на Алека. Точно две горючие звезды зажглись в комнате.

– Где я? – произнес больной слабым голосом.

– У друзей. Не бойся, малыш!.. – ответил Алек. – У друзей, которые тебя ничем не обидят.

– А где же Кудлашка? – снова с беспокойством проговорил больной.

Но едва он успел произнести это, как из-под постели неожиданно вынырнула потешная черная мордочка, и оттуда появилась и сама Кудлашка во всей своей красоте. С радостным визгом она кинулась прямо на постель больного, оставляя на белом пикейном одеяле следы грязных лап. Темноволосый Алек покачал головой.

– Макака не похвалит, если увидит это, – произнес он серьезно, – и Кар-Кар тоже. Впрочем, я заступлюсь за тебя, когда понадобится, – заключил он тихо.

– А кто они будут? – спросил не без трепета больной, широко раскрывая свои и без того огромные глаза.

– Макака – это обезьяна... Она похожа очень на человека и ест руками, как мы, и вся покрыта волосами при этом. Но наша Макака вовсе не обезьяна. Вот ты убедишься сам, когда увидишь. А зовут нашу Макаку господином Марковым, Александром Васильевичем. Настоящая макака – злая, а наш Макака – добрый. Кар-Кар же – это помощник нашего Макаки. У Кар-Кара четыре глаза и две головы: одна – своя, другая – чужая.

Больной еще шире раскрыл глаза. Хотел спросить что-то и не успел.

Быстро распахнулась дверь, и из нее высунулось десятка два детских головенок. Тут были и черненькие, и белокурые, и рыжие, и русые. Смешные любопытные рожицы из всех сил тянулись вперед. Карие, черные, синие и серые глазенки устремились взорами на лежавшего в постели больного.

– Алек Хорвадзе! Алек Хорвадзе! Можно нам к нему? Можно посмотреть больного мальчика и собаку? Пожалуйста, Алек,пусти нас! – послышались звонкие детские голоса.

Но Алек не смог ни впустить, ни ответить, потому что как раз в эту минуту, оттолкнув детей от двери, в комнату вкатилась шарообразная толстая фигура, похожая на большой мяч. На плечах фигуры торчала круглая же, как шар, голова. Румяное лицо в очках лоснилось. Из-за стекол приветливо и добро смотрели маленькие глазки. Очки едва-едва держались на кончике румяного же носа. Фигурка несла в руках тарелку с дымящейся в ней вкусной похлебкой. Тут же на краю тарелки лежал ломоть белого хлеба.

Круглый человек подошел к постели и знаками стал показывать больному, что принес ему завтрак. Больной не заставил себя долго упрашивать и с жадностью набросился на еду.

Глава XVI

Круглый человечек и шалуны

Больной ел. Круглый человечек сидел на стуле, кивал и улыбался, глядя на то, как ел больной. За его спиной стояли двадцать мальчиков, которые тоже кивали, улыбались и делали все то, что делал круглый человечек. Почешет себе нос круглый человечек, и все двадцать мальчиков почешут себе носы. Начнет сморкаться толстяк, и тут-то поднимается настоящая музыка, потому что все двадцать мальчиков принимают сморкаться, и начинают раздаваться такие трубные звуки, что можно подумать, что едет артиллерия.

Даже Кудлашка, вылезшая было из-под постели, услышав эти звуки, издала продолжительный, жалобный вой.

Но вот круглая фигурка протянула руку и погладила больного по голове. В ту же минуту двадцать рук потянулись к золотистым кудрям лежавшего в постели мальчика, сию же минуту делая то же.

Тут случилось нечто неожиданное. Видя, что трогают ее маленького хозяина, Кудлашка взвизгнула пронзительнее прежнего, потом отчаянно тявкнула и, вскочив на постель, встала рядом с Миколкой, сердито скаля зубы.

Это случилось неожиданно быстро. Но еще неожиданнее опрокинулся стул, на котором сидела круглая фигура, и толстенький человечек очутился на полу.

– Mein Lieber Gott!¹² – произнес кругленький человечек и забарахтался отчаянно руками и ногами, сию же минуту поднимаясь.

В тот же миг двадцать мальчиков окружили его, громко крича:

– Я вас подниму, Карл Карлович!

– Нет, я!

– Нет, я!

– Бедный Карл Карлович!

– Ужасное падение!

– Вы не очень ушиблись, Карл Карлович?

– Обопритесь на меня!

– Вот вам моя рука, Карл Карлович!

И двадцать пар рук тут же потянулись на помощь упавшему. Но лишь только бедный немец (Карл Карлович был немец, и притом немец самый настоящий, приехавший лишь недавно из Германии и ни слова не говоривший по-русски) опирался на чью-либо руку, как мальчик, протянувший ему ее, моментально падал на пол подле Карла Карловича и, сделав испуганное лицо, кричал:

– Ах, вы меня перетянули, Карл Карлович! Вы ужасно тяжелый!

Один... другой... третий... четвертый... одиннадцатый, пятнадцатый... двадцатый... Вскоре все двадцать мальчуганов лежали вповалку вокруг Карла Карловича; точно отряд индейцев, мирно отдыхающих после битвы в самых живописных позах вокруг своего вождя.

Это было так смешно, что Миколка, все еще уписывавший похлебку, громко и весело расхохотался. Особенно смешон был Карл Карлович, который неистово дрыгал ногами, желая подняться с пола, и не мог.

Все это время превращаясь в сидевшую на постели рядом с Миколкой Кудлашка вдруг насторожилась. Очевидно, беспомощно дрыгающие в воздухе ноги почтенного немца не ожи-

¹² Ах ты Господи! (нем.)

данно привлекли собачье внимание. Кудлашке показалось, что с ней заигрывают ноги кругленького человечка, и она разом приготовилась к возне, взвизгнула и подскочила.

– Гоп-ля-ля!

Любой наездник позавидовал бы такому смелому прыжку.

– Ай-ай-ай-ай! – неожиданно закричал немец, когда зубы Кудлашки вцепились в его каблук.

Карл Карлович кричал, Кудлашка лаяла, Миколка хохотал, а все двадцать мальчиков шумели, кричали, свистели, пищали на двадцать разных голосов.

Лицо Карла Карловича из белого стало багрово-красным. Жилы напряглись на его лбу и надулись, как веревки. Он сердито кричал что-то по-немецки, чего нельзя было разобрать за гамом, криками и свистом.

И вдруг все покрыл один громкий возглас:

– Довольно! Молчать! Перестать сию минуту! Что за травля! Рыцари! Сейчас же на ноги, вам говорят! Поняли?

Это Алек Хорвадзе живо вскочил со своего места, находившегося около постели больного, подбежал к немцу и помог ему подняться на ноги. И все двадцать мальчиков тоже вскочили, как по команде.

Алек Хорвадзе был самый сильный из них, и мальчуганы отлично знали, что тягаться с ним нелегко.

Лишь только Карл Карлович поднялся на ноги и, отдышавшись как следует, привел в порядок свой костюм, он сердитыми глазами оглядел всех мальчиков и пропищал тоненьким голоском:

– Витик Зон! Komm hier¹³!

Из толпы мальчиков выскочил один – белокурый, голубоглазый, хорошенький, со сверкающим бесшабашным, веселым взглядом.

Карл Карлович стал что-то оживленно говорить Витику по-немецки. Витик был единственным из всех мальчиков, кто отлично знал немецкий язык, потому что был сам немцем по происхождению. Витик ответил Карлу Карловичу по-немецки же, очень серьезно и очень тихо, так тихо, что остальные мальчики не могли ничего расслышать. Потом Карл Карлович еще раз сердито оглядел их всех, покрутил головой, пошевелил своими белокурыми усами и быстро исчез за дверью.

– Жаловаться пошел Макаке! – произнес Витик. – Скажет, как на него напала собака и хотела его укусить, и что мальчики уронили его на пол и стукнули ему колено и ляжку...

– Вот так история! Ну, будет нам на орехи, – произнес Миля Своин, бледный, хрупкий, худенький мальчик, боявшийся всякого рода волнений и передряг.

– Да уж, здорово влетит от Макаки! – подхватили хором остальные мальчики.

– Влетит, конечно, если только Макака поймет нашего Кар-Кара, – лукаво усмехнулся Витик. – Ведь Макака ни в зуб ногой по-немецки, а Кар-Кар совсем не знает по-русски, да к тому же я приложил все старания к этому и научил его сказать так: «На меня упал бак и ушиб мне ложку и каблук». Ну-ка, разбери, что это такое! – со смехом заключил Витик и победоносным взглядом окинул своих друзей.

– Браво! Браво! Витик молодчина! – закричали мальчики, охваченные внезапным восторгом.

И, прежде чем Витик мог опомниться, сорок рук подхватили его на воздух и начали качать.

¹³ Подойди сюда! (нем.)

Глава XVII

Кое-что понемножку выясняется

- Тебя как зовут?
- Какая кличка у твоей собаки?
- Ты деревенский?
- Издалека ты пришел?
- Как ты попал в реку?
- А что, страшно тонуть?
- А собака у тебя давно?
- Ты чувствовал, что умираешь, когда тонул?
- Почему ты такой рваный?
- Ты бедный?
- Ты знаешь, куда попал?
- А драться на кулачках умеешь?
- Прыгать через стулья ты можешь?
- А родители у тебя есть?

Двадцать мальчиков – и двадцать вопросов! Попробуйте-ка отвечать на них сразу! Задача нелегкая!

Миколка рассказал, однако, что его зовут Миколкой, что он из деревни Старая Лесовка, что он сирота, что бежал от дяди Михея, который дерется шибко больно. Затем он рассказал, что сам не понимает, как упал в реку, не знает, кто его вытащил из воды и где он очутился. Вот и все, что он мог ответить.

Тогда заговорили мальчики, все вместе, разом, так что ровно ничего нельзя было разобрать. Наконец Алек Хорвадзе снова повысил голос:

- Дайте мне сказать... Я буду говорить! – произнес он твердо.

Все стихло в один миг. Алек начал говорить степенно и обстоятельно, как взрослый, обращаясь к Миколке:

– Мы все, мальчики, купались вчера в реке с месье Шарлем, гувернером, потому что Кар-Кар не купается: он очень толстый и боится, что может умереть в воде. Купаемся и слышим: за кустами шорох, потом крик, потом точно плюхнулось что-то в воду. Собака залаяла, и опять плюхнулось... Побежали за кусты... Видим, кто-то тонет... А собака плывет к нему... Подплыла, вот схватила зубами, к берегу тянет... Вытащила тебя... Мы тебя на руки и прямо сюда. Здесь тебя качали на простыне... Думали, ты не очнешься... Ты лежал некоторое время бледный, точно мертвый, без движения... А затем очнулся и уснул. Теперь будешь жить, это уж наверняка! – убежденно заключил свою речь Алек и похлопал Миколку по плечу.

Остальные мальчики тоже заулыбались, закивали ему радостно головами и тоже похлопали его по плечу.

- А меня дяде Михею не вернут? – опасливо спросил Миколка мальчуганов.

– Вот еще! Мы не позволим! – закричал немчик Зон. – А насильно не посмеют отнять, Алека побоятся. У него кинжал есть.

- Да, у меня кинжал есть! – не без гордости произнес Алек и блеснул черными глазами.

– Кинжал-то игрушечный! Тупой! – протянул тоненький высокий мальчик с насмешливым лицом и темными презрительно щурившимися глазами.

– Ну-ну, ты помалкивай, Гога Владин! Трусишка ты, каких мало. Уж молчал бы лучше! Ты и твой графчик даже тараканов и лягушек боитесь, – сердито заметил Алек.

– И мух тоже, – весело прибавил Арся Иванов, некрасивый смуглый мальчик с большими умными глазами.

– Слушай ты, деревенщина, а ты высоко прыгать умеешь? – немного картавя, произнес, обращаясь к Миколке, маленький, худенький, но чрезвычайно пышно одетый в бархатную, несмотря на летнюю пору, куртку и клетчатые штаны мальчик лет десяти, которого звали графом Никсом Гоптаровым и который очень кичился своим титулом и богатством.

– Ну, ты молчи, графчик картавый, не очень-то заносись! – прикрикнул на него Вова Баринов, вместе с другими не любивший Никса. – Вы с Гогой и ходить-то как следует не умеете, не то что прыгать...

– А вот и сочиняешь! Я прыгаю отлично! – картавил Никс.

– И я тоже! – вторил ему Гога, задетый за живое.

– А вот посмотрим! Так сумеешь?

И Вова быстро отбежал на край комнаты и в один миг перескочил через высокую спинку стоявшего посредине ее кресла.

Миколка даже крикнул от удовольствия при виде этого прыжка. Он сам был большой любитель до всякого рода скачек и вполне оценил Вовино искусство.

– Ага! Ты, небось, тоже так можешь прыгнуть?... – торжествующе произнес Вова и взглянул на Миколку.

– Я выше смогу! – ответил с живостью тот.

– Врешь!

– Не, не вру! Зачем врать? Бог врать не велел. Давайте перепрыгну! – предложил он тут же.

– Нет, тебе прыгать нельзя! – хором закричали мальчики. – Ты болен, тебя в постель положили.

– Эва! Болен! – рассмеялся Миколка. – Ничего не болен. Был малость уставши, теперича отошел. Тащи сюда, что повыше, живо перескочу.

– А через комод перескочишь? – спросил Арся Иванов, недоверчиво взглянув на Миколку.

– Перескочу!

– Ой, не перескочишь!

– Ой, перескочу!

– А ну-ка, братцы, выдвинем комод!

Антоша Горский, Павлик Стоянов, Алек Хорвадзе и Вова Баринов, четыре самых сильных мальчика, подбежали к комоду и стали двигать его на середину комнаты. Комод трещал, скрипел, визжал всеми своими пересохшими досками, но не двигался с места.

Миколке вскоре надоело лежать и смотреть, как четыре «барича» двигают «махину», а сдвинуть не могут. Быстрее молнии вскочил он с постели и, путаясь в длинной до пят ночной сорочке одного из мальчиков, надетой на него, очевидно, во время обморока, подскочил к комоду. Поплевав себе на ладони, он напряг все мышцы, уперся руками в комод и изо всей силы толкнул его вперед.

Трык!.. Комод, перевернутый на сторону, сдвинут с места. На пол вывалена целая куча всевозможных вещей.

Чего тут только нет!.. Галстуки розовые, голубые, красные, лиловые, воротнички всех цветов и фасонов, шарфы; манжеты, запонки, бутылки с духами, коробки с зубным порошком, носки белые, носки цветные, жилеты полосатые, жилеты клетчатые и так далее и так далее – словом, целый модный магазин.

Комод этот был собственностью месье Шарля, француза-гувернера мальчиков, прозванного ими Жирафом. И все содержимое комода тоже принадлежало Жирафу. Он привез эти вещи в трех больших ящиках из Парижа и очень дорожил ими.

– Вот-то скроит физиономию Жираф, когда увидит все свои жилеты и галстуки в таком виде! – весело закричал Павлик Стоянов, высокий и прямой, как жердочка, мальчик, живой и веселый как бесенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.